

Право, применимое к порядку извещения стороны судебного разбирательства на территории иностранного государства

Аннотация. В статье исследуется проблема правовой неопределенности, возникающей при разрешении судами вопроса о праве, применимом к порядку извещения стороны судебного разбирательства на территории иностранного государства. Автор выделяет и рассматривает два процессуальных этапа, на которых суд обязан либо определить, в каком порядке извещать сторону, либо оценить соблюдение порядка извещения иным судом. На основе анализа доктрины и правоприменительной практики выделяются свойственные каждому процессуальному этапу проблемы регулирования. Автор приходит к выводу о том, что, независимо от процессуального этапа, неопределенность в вопросе о применимом праве отсутствует, если между государствами имеется международный договор. Его отсутствие вынуждает правоприменителей искать альтернативные подходы, которые на практике разнятся. На основе сравнительного анализа подходов, используемых в мире, автор предлагает доступные российскому регулятору способы преодоления указанных проблем применительно к каждому процессуальному этапу.

Ключевые слова: право; международный гражданский процесс; судебные извещения; признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений; международная правовая помощь; международное право; международное частное право; гражданский процесс; арбитражный процесс; актуальные проблемы.

Для цитирования: Долгушин А. Е. Право, применимое к порядку извещения стороны судебного разбирательства на территории иностранного государства // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 50–61. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.050-061.

Law Applicable to the Procedure for Notifying a Party of a Court Proceeding on the Territory of a Foreign State

Alexey E. Dolgushin, Postgraduate Student, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM), Novosibirsk, Russian Federation
dolgushin_alexey@mail.ru

Abstract. The paper examines the problem of legal uncertainty that arises when courts resolve the issue of the law applicable to the procedure for notifying a party to a court proceeding on the territory of a foreign state. The author identifies and considers two procedural stages at which the court is obliged either to determine in what order to notify the party, or to assess compliance with the notification procedure by another court. Based on the analysis of doctrine and law enforcement practice, the author identifies regulatory problems inherent in each procedural stage. The author concludes that, regardless of the procedural stage, there is no uncertainty about

© Долгушин А. Е., 2024

* Долгушин Алексей Евгеньевич, аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ)
Каменская ул., д. 52, г. Новосибирск, Россия, 630099
dolgushin_alexey@mail.ru

the applicable law if there is an international agreement between the States. The lack of an agreement makes law enforcement agencies look for alternative approaches that vary in practice. Based on a comparative analysis of approaches used in international practice, the author suggests ways available to the Russian regulator to overcome these problems in relation to each procedural stage.

Keywords: law; international civil procedure; notice of process; certificate of service; recognition and enforcement of foreign judgments; international legal assistance; international law; private international law; civil procedure; arbitration process; current problems.

Cite as: Dolgushin AE. Law Applicable to the Procedure for Notifying a party of a Court Proceeding on the Territory of a Foreign State. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):50-61. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.050-061

Введение и актуальность

«In international civil procedure the devil is still in the nuts and bolts especially in the seemingly dry subject of transnational service of process. However, hidden among the technical jungle of service of process are principles of justice that stand to gain by international, uniform rules»¹, — так немецкий ученый Х. Шах метафорично описал значимость принципа правовой определенности и его актуальность в такой развивающейся отрасли, как международный гражданский процесс.

От того, насколько стабильно, устойчиво и единообразно регулирование в рамках правовой системы, зависит возможность субъектов правоотношений планировать риски и преимущества вступления в те или иные правоотношения, подчиненные праву этой правовой системы. Как ни важна роль правовой определенности в материальных правоотношениях, еще большее значение данный принцип приобретает в рамках процессуального права.

Объяснение такой первостепенной значимости лежит в природе процессуального права как системы норм, направленных на установление процедуры защиты нарушенных материальных прав. Процедурные аспекты могут кардинальным образом повлиять не только на эффективность, но и на саму возможность защиты материальных прав, в том числе привести к отказу в их защите исключительно по процессуальным основаниям (например, в случае отказа в при-

знании и приведении в исполнение арбитражных или иностранных судебных решений). Возложение на субъектов правоотношений риска получения отказа в защите права по процедурным основаниям, которые не могли быть предвидены на этапе вступления в правоотношения, по мнению автора, является чрезмерным бременем для субъектов правоотношений, которое в конечном итоге становится разумным мотивом отказа от выбора соответствующих форумов разрешения спора или от вступления в данные правоотношения в целом.

Изложенное, в свою очередь, является мотивом для регуляторов, заинтересованных в развитии хозяйственных и гражданских правоотношений, а также национальных форумов разрешения споров, исключать неопределенность в процессуальных вопросах. Основные сложности при реализации такой задачи возникают в регулировании процессуальных правоотношений, осложненных иностранным элементом.

В рамках российской правовой системы неопределенность, способная кардинальным образом повлиять на исход процедуры защиты права, как это описано выше, имеет место при разрешении вопроса о порядке судебного извещения. В статье предлагается анализ того, насколько общее правило о применении судами национального процессуального права (*lex fori*) справедливо в теории и эффективно на практике при разрешении вопроса о порядке извещения лиц, находящихся на территории иного государства.

¹ Schack H. Transnational Service of Process: A Call for Uniform and Mandatory Rules // *Uniforme law review — Revue de droit uniforme*. 2001. Vol. 4. No. 2. P. 827 et s.

1. Этап инициирования судебного разбирательства

Вопрос о том, в каком порядке извещать ответчика и привлеченных к делу лиц, впервые возникает в самом начале процесса — на этапе инициирования судебного разбирательства. На данном этапе применимое право определяет действия самого суда: какие действия, в какой последовательности и каким образом должен совершить суд, чтобы исполнить свою публичную обязанность по уведомлению лица о наличии у него определенного статуса (набора процессуальных прав и обязанностей) в рамках инициированного судебного разбирательства.

Любое действие суда как органа власти может быть подчинено только праву страны суда (*lex fori*). Не является исключением и порядок судебного извещения: суд должен уведомить лицо в порядке, установленном национальным процессуальным правом. Важно понимать, что в случае с Российской Федерацией в понятие «право страны суда» входит не только национальное процессуальное законодательство, но и международные договоры Российской Федерации, являющиеся частью ее правовой системы в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Правовое значение судебного извещения на данном этапе заключается в следующем. С одной стороны, соблюдение установленного национальным правом порядка извещения является необходимым условием для продолжения судебного разбирательства. Извещение выступает способом обеспечения принципа состязательности, без соблюдения которого судебное разбирательство не может быть продолжено, а ошибочно вынесенное в ходе такого разбирательства решение подлежит отмене. С другой стороны, предусмотренный национальным правом порядок судебного извещения иностранного лица должен обеспечивать трансграничную исполнимость решения. Игнорирование указанной задачи является предпосылкой для неопределенности, которая может повлечь фактический отказ в восстановлении нарушенного права в связи с невозможностью исполнения решения. Ответ на вопрос, насколько успешно

она решается российским регулятором, следует искать в процессуальных кодексах, формулировки которых разнятся в части порядка извещения лиц, находящихся за границей.

Часть 6 ст. 113 ГПК РФ:

«Предусмотренные настоящей статьей формы судебных извещений и вызовов применяются и по отношению к иностранным гражданам и иностранным юридическим лицам, если иной порядок не установлен международным договором Российской Федерации».

Часть 5 ст. 121 АПК РФ:

«Иностранные лица извещаются арбитражным судом по правилам, установленным в настоящей главе, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или международным договором Российской Федерации».

Часть 3 ст. 253 АПК РФ:

«В случаях, если иностранные лица, участвующие в деле, рассматриваемом арбитражным судом в Российской Федерации, находятся или проживают вне пределов Российской Федерации, такие лица извещаются о судебном разбирательстве определением арбитражного суда путем направления поручения в учреждение юстиции или другой компетентный орган иностранного государства».

Следовательно, правила извещения в гражданском и в арбитражном процессах совпадают в части круга урегулированных ситуаций: 1) если у Российской Федерации имеется действующий международный договор, заключенный с государством места нахождения извещаемого лица, — такое лицо извещается способом согласно международному договору; 2) если действующий международный договор отсутствует, — лицо извещается способами, предусмотренными самими кодексами (при этом такие способы различаются в зависимости от кодекса).

Для оценки эффективности регулирования в контексте решения задачи по обеспечению трансграничной исполнимости решений и, как следствие, правовой определенности автор предлагает разобрать обе ситуации: когда международный договор имеется и когда отсутствует.

1.1. Порядок извещения при наличии международного договора

Значимость международного договора при определении порядка извещения за границей обусловлена правовой природой судебного извещения как акта суверенной власти (Hoheitsakt).

В германской доктрине одним из крупнейших исследователей вопроса границ судебной власти и международной правовой помощи при вручении судебных документов являлся Х. Шах, посвятивший этой теме как отдельные труды², так и разделы в комплексных исследованиях по международному гражданскому процессу³. Следует отметить, что именно в германской доктрине в качестве господствующего отстаивается тезис о недопустимости судебного извещения в отсутствие согласия соответствующего государства. Действия, нарушающие это правило, должны быть квалифицированы как международно-правовой деликт и не должны влечь правовые последствия⁴.

Несмотря на наличие альтернативных позиций относительно правовой природы судебных извещений⁵, именно квалификация действий суда в качестве публичных стала стимулом для создания системы международной правовой помощи по данному вопросу. На текущий момент порядок судебного извещения является

предметом как многосторонней Гаагской конвенции 1965 г.⁶, так и множества иных, в том числе двусторонних, соглашений.

Различие порядка в зависимости от государства места нахождения извещаемого лица обусловлено различием воли суверенов, закрепленной в соответствующем международном договоре с его участием. Например, Гаагская конвенция 1965 г. предусматривает как общее правило возможность направления уведомления напрямую участникам процесса, но допускает исключения из него — заявления (оговорки) отдельных государств, предусматривающие альтернативный порядок, например направление извещений через компетентные органы. Вступление государства в Конвенцию с оговоркой и есть пример особой воли суверена по порядку судебного извещения на его территории. При этом следует обратить внимание на следующую особенность правоприменения. Тот факт, что суд (например, суд Российской Федерации) учитывает волю иного государства, отраженную в международном договоре (например, заявление Швейцарии к Гаагской конвенции 1965 г.), не означает, что суд Российской Федерации применяет нормы швейцарского права. В описанном примере речь всё еще идет о применении права Российской Федерации (*lex fori*), поскольку Гаагская конвенция 1965 г. в полном

² Schack H. Einheitliche und zwingende Regeln der internationalen Zustellung // Festschrift für Reinhold Geimer. München, 2002. S. 931–946.

³ Schack H. Internationales Zivilverfahrensrecht: Juristische Kurz-Lehrbücher. 7. Aufl. München : Verlag C. H. Beck, 2017. S. 608.

⁴ Schmitz B. Fiktive Auslandszustellung // Schriften zum Internationalen Recht. Bd. 18. Berlin, 1980. Этот тезис поддержан и современными германскими учеными. См.: Fahrbach R., Schiener U. Praktische Rechtsfragen der internationalen Zustellung // IWRZ — Zeitschrift für Internationales Wirtschaftsrecht. 2017. Nr. 1. S. 16–22.

В отечественной науке аналогичной позиции придерживается В. В. Ярков. См.: Ярков В. В. Надлежащее извещение как одно из условий признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения // Актуальные проблемы международного частного права и международного гражданского процесса : Liber Amicorum в честь заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук Н. И. Марышевой. М. : Проспект, 2020. С. 418–427.

⁵ Magnarini G. A. Service of Process Abroad under the Hague Convention // Marquette Law Review. 1988. Vol. 71. Iss. 3. P. 649–702 ; Armstrong C. R. Permitting Service of Process by Mail on Japanese Defendants // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. 1991. Vol. 13. P. 551.

⁶ Конвенция о вручении за границей судебных или внесудебных документов по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 15.11.1965).

объеме является частью правовой системы Российской Федерации, в том числе с учетом всех оговорок иных участников Конвенции (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Практическое преимущество международно-правового регулирования заключается в сохранении максимальной определенности для сторон. С одной стороны, сохраняется подчиненность действий суда *lex fori*, тем самым исключается риск последующей отмены решения в вышестоящих судах (в случае с Российской Федерацией — по безусловным основаниям п. 2 ч. 4 ст. 270 ГПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 288 АПК РФ). С другой стороны, соблюдается воля иностранного государства, и таким образом исключается риск отказа в признании и в приведении в исполнение решения суда на территории данного государства.

1.2. Порядок извещения

при отсутствии международного договора

В условиях отсутствия международного договора нет и вышеобозначенных преимуществ. Однако цель регулирования актуальность не теряет: оно должно обеспечить и законность процедуры с точки зрения национального права, и эффективность защиты прав, в том числе в контексте возможного исполнения решения за границей.

Как изложено выше, тексты российских процессуальных кодексов едва ли справляются с данной задачей. В обоих случаях законодатель предусмотрел некий собственный способ извещения: тот же, что и на территории Российской Федерации (ГПК РФ); через орган юстиции (АПК РФ). Однако применение выбранного российским законодателем способа извещения да-

леко не всегда способно обеспечить последующую исполнимость судебных актов, поскольку в данном случае не обеспечено соблюдение воли иностранного государства при извещении лица, находящегося на его территории.

Наглядно сказанное демонстрируется в практике судов общей юрисдикции, которым в силу ч. 6 ст. 113 ГПК РФ разрешено применять национальные правила извещения на территории иностранных государств. Так, встречаются случаи извещения лиц на территории иностранных государств с использованием телеграмм и телефонограмм⁷ (ч. 1 ст. 113 ГПК РФ) или, например, по месту нахождения представительств иностранных лиц⁸ (ч. 5 ст. 113 ГПК РФ). Трансграничная исполнимость подобных решений вызывает существенные сомнения, несмотря на соблюдение судами ч. 6 ст. 113 ГПК РФ и юридическую силу извещения в рамках национального права.

В попытке преодолеть несовершенство действующих законов автор предлагает разобрать каждый из доступных альтернативных вариантов правоприменения.

1. Установление иных форм волеизъявления иностранных государств.

Международный договор является наиболее очевидной, однако далеко не единственной, формой волеизъявления государства.

К иным менее очевидным формам относятся, например, принципы взаимности и международной вежливости. Взаимность предполагает конклюдентное согласие государств на обоюдную реализацию публичных функций на своих территориях. Достаточно широкое применение принцип взаимности получил в процедуре признания и приведения в исполнение

⁷ См.: апелляционные определения Московского областного суда от 26.01.2015 по делу № 33-1028/2015 ; Московского городского суда от 28.10.2016 по делу № 33-34899/2016 ; Белгородского областного суда от 11.11.2014 № 33-2315/2014.

⁸ См.: решение Дзержинского районного суда города Нижнего Тагила от 23.04.2019 по делу № 2-306/2019~М-121/2019 ; апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 05.04.2022 по делу № 33-817/2022.

Отметим, что в последнем случае Верховный суд Республики Хакасия применил ч. 5 ст. 113 ГПК РФ и известил иностранного ответчика по месту нахождения представительства, даже несмотря на наличие международного договора, что является нарушением ч. 6 ст. 113 ГПК РФ.

иностранных судебных решений⁹, однако до сих пор не приобрел широкого распространения в рамках вопроса судебных извещений за границей, что имеет под собой разумные обоснования.

Применительно к вопросу судебных извещений принцип взаимности предполагает установление государствами негласных критериев, при соблюдении которых суды обоих государств придают судебному извещению юридическую силу в рамках национального права. Применение принципа взаимности практически налагает на суд обязанность проанализировать практику соответствующего государства и установить наличие или отсутствие обозначенного конклюдентного согласия. Однако такая обязанность суда процессуальными кодексами не предусмотрена. По мнению автора, именно этим обусловлена невозможность широкой имплементации принципа взаимности в регулирование судебных извещений: при наличии установленного процессуальным законом способа извещения иностранного лица (ч. 6 ст. 113 ГПК РФ и ч. 3 ст. 253 АПК РФ) у российских судов нет оснований для поиска каких-либо иных способов.

В этом ключевое отличие от регулирования признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, которое прямо обязывает российский суд установить наличие оснований для признания (международный договор или взаимность) еще до рассмотрения вопроса по существу (ч. 1 ст. 409 ГПК РФ и ч. 1 ст. 241 АПК РФ).

Принцип международной вежливости, в отличие от взаимности, не предполагает обоюдности. Он предполагает просьбу одного государства разрешить ему разово реализовать публичную функцию на территории другого государства.

Следует отметить, что в практике российских судов указанный принцип находит отражение и по вопросам судебных извещений¹⁰.

Попытка российского правоприменителя «доработать» текст процессуального закона и обязать суды в условиях отсутствия международного договора устанавливать волю иностранных государств, тем самым повысив трансграничную исполнимость решений российских судов, является прогрессивной. Вместе с тем очевидным недостатком принципов взаимности и международной вежливости является относительное непостоянство и необязательность.

Промежуточным этапом между «мягкими» принципами (взаимность и вежливость) и международно-правовыми обязательствами (международные договоры) мог бы стать обмен соответствующими разъяснениями по дипломатическим каналам. На практике такой способ используется Российской Федерацией при необходимости разъяснения вопросов о действии тех или иных международных соглашений¹¹. Теоретически, без учета политической составляющей, таковой механизм мог бы также стать инструментом оперативного повышения эффективности взаимодействия и по вопросам судебных извещений.

2. Бланкетная норма с отсылкой к способу извещения, предусмотренному иностранным процессуальным правом.

Еще одним способом установления волеизъявления могла бы стать бланкетная норма с отсылкой к способу извещения, предусмотренному иностранным процессуальным правом.

В мировой практике существуют примеры, когда национальное процессуальное законодательство допускает применение порядка судебного извещения, установленного правом

⁹ Костин А. А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в России. М. : Статут, 2020.

¹⁰ См.: п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 ; решение Суда по интеллектуальным правам от 31.07.2020 по делу № СИП-872/2019 ; определение Суда по интеллектуальным правам от 18.02.2023 по делу № СИП-19/2023.

¹¹ См., например: письмо МИД России от 03.06.2016 № 9538/дн «О прекращении действия Договора между СССР и ГДР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 19 сентября 1979 с 3 октября 1990 г., о неприменении Договора между СССР и ГДР о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 мая 1960 г. с 1 января 1993 г.».

иностранным государством. Такая оговорка содержится в п. 6.40 Правил гражданского судопроизводства Англии¹²: допустимо извещение лица не только в порядке, предусмотренном международным договором Великобритании, но и любым иным способом, разрешенным правом страны места нахождения извещаемого лица.

Как справедливо указывает А. А. Костин¹³, закрепление подобного правила в национальном процессуальном законе служит двум целям: с одной стороны, предоставляет суду возможность выбора наиболее эффективной и оперативной опции извещения; с другой — повышает исполнимость решений английских судов, т.е. исключает возможность последующего отказа в признании и в приведении в исполнение решения английского суда по причине ненадлежащего извещения.

Преимуществом такого способа также является формальная чистота: применение способа извещения, предусмотренного иностранным правом, не означает применение иностранного права: суд по-прежнему руководствуется *lex fori*, которая лишь определяет перечень доступных суду способов извещения.

Очевидным недостатком является ограниченность возможностей национального суда за пределами юрисдикции. Например, едва ли реализуемо личное вручение судебного извещения иностранного суда в соответствии с требованиями отдельных штатов США. Этот пример демонстрирует необходимость закрепления опциональности, когда такой способ извещения является не единственным. К слову, именно такая модель и реализована английским законодателем.

Таким образом, извещение на начальной стадии судебного разбирательства в любом случае осуществляется по праву страны суда (*lex fori*). Вместе с тем второй важнейшей задачей является обеспечение последующей исполнимости решения суда, в том числе за границей.

В контексте указанных задач российское процессуальное законодательство несовершенно и требует доработки. Одним из вариантов решения проблемы могло бы стать закрепление перечня доступных суду способов извещения иностранных лиц. Примером успешной реализации такого решения является процессуальное право Англии.

2. Этап признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений

Второй процессуальный этап, на котором вопрос соблюдения или несоблюдения порядка извещения стороны судебного разбирательства, находящейся на территории иностранного государства, способен исключить возможность защиты права по процессуальным основаниям, — это этап признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения. Так, в соответствии с российскими процессуальными кодексами в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений может быть отказано, если:

— «сторона, против которой принято решение была лишена возможности принять участие в процессе вследствие того, что ей не было своевременно и надлежащим образом вручено извещение о времени и месте рассмотрения дела» (п. 2 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ);

— «сторона, против которой принято решение, не была своевременно и надлежащим образом извещена о времени и месте рассмотрения дела или по другим причинам не могла представить в суд свои объяснения» (п. 2 ч. 1 ст. 244 АПК РФ).

Несмотря на различие формулировок, обоим текстам свойственна неопределенность относительно того, каким правом должен руководствоваться суд при оценке соответствия извещения критериям «надлежащего» и «своевременного».

¹² URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules> (дата обращения: 20.05.2023).

¹³ Костин А. А. Надлежащее и своевременное извещение ответчика как условие признания и исполнения решения иностранного суда (анализ ч. 1 ст. 244 АПК РФ и ч. 1 ст. 412 ГПК РФ) // Закон. 2017. № 4. С. 120–131.

Коллизии при ответе на данный вопрос не возникает, если между государствами заключен международный договор. При этом, в отличие от этапа инициирования судебного разбирательства, на этапе признания и приведения в исполнение решения суда правовая неопределенность может быть в равной степени эффективно устранена двумя типами международных договоров.

1. Международные договоры, регулирующие непосредственно порядок извещения на территории иностранного государства (например, Гагская конвенция 1965 г.).

В данном случае суверенами согласован порядок извещения лиц на территории друг друга, за счет чего создается единое регулирование: иностранный суд при вынесении решения руководствуется согласованным порядком, а национальный суд при признании этого решения проверяет соблюдение того же самого согласованного порядка.

2. Международные договоры, регулирующие порядок признания и приведения в исполнение судебных решений (например, Гагская конвенция 2019 г.¹⁴).

В данном случае суверенами согласованы основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, одним из которых может быть несоответствие судебного извещения определенным требованиям.

Следует отметить, что такие требования на практике могут отличаться не только от требований, предусмотренных национальными процессуальными законами соответствующих государств, но и от требований, предусмотренных международными договорами, регулирующими непосредственно извещения на территории иностранного государства. Например, согласно Гагской конвенции 1965 г. (подписана Российской Федерацией с оговоркой) извещение является надлежащим, если вручено в установленной форме в соответствии

с оговоркой Российской Федерации через Минюст России, а в соответствии с Гагской конвенцией 2019 г. (подписана Российской Федерацией) извещение считается надлежащим, если оно позволило лицу подготовиться к защите и если способ вручения соответствует фундаментальным принципам признающего государства.

По мнению автора, в обоих случаях коллизия разрешается в пользу требований, установленных международным договором по вопросу экзекватуры судебных решений, имеющим в данном случае характер специальной нормы.

Несмотря на различие предметов, оба типа международных договоров преодолевают неопределенность: суд оценивает соблюдение порядка судебного извещения, предусмотренного соответствующим международным соглашением. Отсутствие международного договора обуславливает неопределенность. Для ее преодоления и выбора наиболее теоретически корректного и практически оправданного подхода автором предлагается разбор возможных вариантов правоприменения.

2.1. Применение иностранного процессуального права

При вынесении судебного решения, признании и исполнении которого испрашиваются, иностранный суд руководствовался национальным процессуальным правом (*lex fori*), в том числе в части порядка судебного извещения. Однако означает ли это, что суд признающего государства обязан отступить от принципа *lex fori* и также применять иностранное процессуальное право для оценки порядка извещения?

В практике российских судов встречаются случаи применения иностранного процессуального права на этапе признания и приведения в исполнение при следующих обстоятельствах.

1. Применение иностранного процессуального права допускается международным договором Российской Федерации.

¹⁴ Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 02.07.2019) [неофициальный перевод Минюста России] // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7603/> (дата обращения: 20.05.2023).

Такое правило предусмотрено, например, Киевским соглашением 1992 г.¹⁵ с учетом его толкования консультативным заключением № 01-1/4-13 Экономического Суда СНГ «О толковании пункта “г” статьи 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 года», принятым 26 апреля 2014 г. Согласно заключению Киевское соглашение 1992 г. допускает извещение как в порядке международно-правовой помощи, так и в порядке, предусмотренном национальным процессуальным правом государства вынесения решения. Руководствуясь указанной нормой, российские суды устанавливают содержание и проверяют соблюдение норм иностранного процессуального права¹⁶.

2. Российский суд проверяет порядок извещения иностранным судом стороны, находящейся на территории иного иностранного государства.

Такая ситуация возможна, например, если иностранный суд рассматривает требование к ответчику, находящемуся на территории иного иностранного государства, но имеющего активы на территории Российской Федерации.

Подобная ситуация имела место в деле № А40-153603/2013, в рамках которого российский суд проверял порядок извещения английским судом ответчика на территории США (штат Нью-Йорк). При разрешении вопроса о наличии оснований для отказа в признании, предусмотренных пунктом 2 ч. 1 ст. 244 АПК РФ, российский суд установил соответствие судебного извещения требованиям процессуального права Англии и Уэльса, штата Нью-Йорк, а также Гаагской конвенции 1965 г. в части двусторонних отношений Великобритании и США¹⁷.

Оценивая сам факт применения отечественными судами иностранного права, российские ученые отмечают недопустимость такого подхода, как нарушающего процессуальный принцип «forum regit processum», в соответствии с которым суд вправе осуществлять публичную функцию исключительно в соответствии с национальным процессуальным правом¹⁸.

Поддерживая общий вывод о нежелательности применения национальным судом иностранного процессуального права, тем не менее следует сделать ряд оговорок.

Во-первых, оценка порядка судебного извещения на этапе признания и приведения в исполнение является не единственным случаем, когда применение иностранного процессуального права признается допустимым. Так, прямое указание на применение такового содержится в самих процессуальных кодексах в отношении оценки окончательности актов иностранных судов (п. 1 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 244 АПК РФ). Вышеупомянутые положения обусловлены объективной невозможностью проверки соблюдения данного критерия по каким-либо иным нормам, кроме процессуального закона государства вынесения решения.

Во-вторых, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ едва ли применение иностранного права можно назвать некорректным, если оно предусмотрено международными обязательствами Российской Федерации, как, например, в случае с Киевским соглашением 1992 г.

В-третьих, применение иностранного права вместо национального в ряде случаев обусловлено нецелесообразностью и даже некорректностью разрешения отдельных вопросов по праву национальному. Например, если следовать такой логике, то в вышерассмотренном деле

¹⁵ Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (заключено в г. Киеве 20.03.1992).

¹⁶ См.: постановления Арбитражного суда Уральского округа от 09.12.2020 по делу № А76-51278/2019 ; Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.05.2020 по делу № А45-39483/2019.

¹⁷ См.: определение Арбитражного суда г. Москвы от 30.05.2014 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2014 ; определение Верховного Суда РФ от 29.10.2014 по делу № А40-153603/2013.

¹⁸ Костин А. А. Правовое регулирование порядка извещения стороны судебного разбирательства за границей (анализ российского и иностранного опыта) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 1. С. 148–192.

№ А40-153603/2013 английский суд для обеспечения исполнимости собственного решения должен был учитывать национальные требования к извещению не только штата Нью-Йорк, но и всех государств, в которых находятся активы ответчика. По понятным причинам на практике такой подход слишком обременителен и для суда, и для истца, а потому очевидно некорректен. В этой связи применение признающим судом иностранных правил представляется разумным.

Вместе с тем, несмотря на отдельные оговорки, автор признает, что применение иностранных процедурных правил не является оптимальным решением и как минимум должно представлять собой исключение. Как максимум следует подумать об иных способах преодоления практических сложностей, речь о чем пойдет ниже.

2.2. Применение универсальных критериев

Анализ изменений и российской, и международной практики последнего десятилетия позволяет утверждать о наличии определенной тенденции развития регулирования в части оценки соблюдения порядка извещения на этапе признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений.

Суть данной тенденции можно обозначить фразой: «неважно, в каком порядке и в соответствии с каким правом судебное извещение вручено, если выполнена его основная цель — сторона получила возможность полноценно реализовать свой статус в судебном процессе»¹⁹. В данном контексте уместна цитата из труда Н. Г. Елисеева, посвященная иному предмету, но хорошо демонстрирующая значение тенденции: «*Не можем упрекнуть судью в несправедливости его решения, если он при выборе между необходимостью соблюдать абстрактный суверенитет иностранного*

государства и необходимостью защитить конкретный интерес истца отдает предпочтение последнему»²⁰.

Иными словами, речь идет о формировании в мировой практике определенных универсальных критериев, при соблюдении которых цель извещения (обеспечение возможности защиты прав извещаемого лица) достигается, а извещение признается надлежащим.

В российской практике обозначенная тенденция нашла отражение в концепции так называемого фактического извещения, которая получила последовательное развитие в ряде позиций высших судов²¹. Согласно концепции извещение считается надлежащим в двух случаях: 1) если соблюден порядок, предусмотренный международным договором Российской Федерации, либо 2) если доказана фактическая осведомленность стороны о судебном разбирательстве.

В первом случае правоприменитель презюмирует, что способ, согласованный в международном договоре, априори является надлежащим и обеспечивает стороне возможность защиты права. Во втором — оставляет заинтересованной стороне возможность доказать осведомленность стороны даже при условии несоблюдения положений международного договора, тем самым создавая исключение из общего правила.

Еще одним примером реализации универсального критерия оценки извещения является Гагская конвенция 2019 г. В силу ст. 7 Конвенции таковым является доведение извещения «до сведения ответчика в достаточные сроки и таким образом, чтобы у ответчика была возможность подготовиться к защите». Указанная формулировка также не предусматривает привязку порядка извещения к какому-либо процессуальному праву, но исходит из целеполагания извещения как такового.

¹⁹ Касательно цели судебного извещения см. предисловие К. Бернаскони, Х. ван Лоона к изданию: Практическое руководство по применению Гагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов / отв. ред. Н. А. Жильцов. 3-е изд. М., 2007.

²⁰ Елисеев Н. Г. Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. 2016. № 6. С. 121–137.

²¹ См.: п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 ; п. 55 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019.

Широкое распространение в мировой правоприменительной практике подобных содержательно аналогичных критериев, основанных на телеологии извещения, по мнению автора, является одним из способов преодоления неопределенности. Иными словами, при наличии универсальных критериев судам при рассмотрении требований к иностранным лицам не следует беспокоиться о трансграничной исполнимости своих решений, если судебное извещение достигло цели и позволило лицу принять участие в разбирательстве. Признающие же суды обязаны проверять соответствие извещения не какому-либо процессуальному праву, а указанному критерию. За счет изложенного сформируется единое регулирование, исключающее неопределенность.

Более того, поход решит и иную проблему, которая не является предметом настоящего исследования, однако в равной мере актуальна, а именно исключит возможность посредственного выполнения судами обязанности по извещению иностранных лиц с использованием так называемого механизма «фиктивного извещения»²².

Что касается формы закрепления указанного критерия, по мнению автора, данный вопрос вторичен. Единственный критерий: форма нормы должна обеспечивать ее постоянство. В этой связи едва ли представляется удачным пример Российской Федерации, когда такой критерий сформирован исключительно в судебной практике.

Выводы

Подводя итог исследования, автор делает основные выводы.

1. Цель любого правоприменителя — обеспечить эффективную защиту нарушенных прав. Достижение указанной цели возможно исключительно при совокупном решении двух задач:

1) обеспечить соблюдение процедуры разрешения спора, установленной национальным правом; 2) обеспечить исполнимость судебных решений, в том числе за пределами собственной юрисдикции.

2. Неопределенность по вопросу права, применимого к порядку извещения лиц за пределами юрисдикции суда разрешения спора, может привести к снижению эффективности или к полному отказу в защите прав исключительно по процессуальным основаниям.

3. Вопрос о праве, определяющем порядок судебного извещения, может возникнуть на двух процессуальных этапах: 1) инициирования судебного разбирательства и 2) признания и приведения в исполнения иностранных судебных решений. Каждый этап предполагает отдельное регулирование.

4. Неопределенность в вопросе о применимом праве отсутствует независимо от этапа, если между государствами имеется международный договор. Отсутствие международного договора вынуждает правоприменителей искать альтернативные подходы, которые на практике разнятся и обуславливают неопределенность.

5. На этапе инициирования судебного разбирательства наиболее удачным способом преодоления неопределенности автору представляется закрепление в процессуальных кодексах альтернативных способов извещения, в том числе принятых в государстве нахождения извещаемого лица. Такой подход успешно реализован в английском процессуальном праве.

6. На этапе признания и приведения в исполнения иностранных судебных решений наиболее удачным способом преодоления неопределенности автору представляется закрепление в процессуальных кодексах универсального критерия, основанного на телеологии института судебных извещений. В настоящий момент таковой начинает формироваться в практике российских судов, однако требует доработки и внимания законодателя.

²² Указанное понятие сформировано в германской школе права и означает юридическую фикцию, при которой лицо считается извещенным по факту исполнения судом всей предусмотренной процессуальным законом процедуры, однако фактически может и не знать о судебном разбирательстве с его участием (*Schmitz B. Op. cit.*).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Елисеев Н. Г.* Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. — 2016. — № 6. — С. 121–137.
2. *Костин А. А.* Надлежащее и своевременное извещение ответчика как условие признания и исполнения решения иностранного суда (анализ ч. 1 ст. 244 АПК РФ и ч. 1 ст. 412 ГПК РФ) // Закон. — 2017. — № 4. — С. 120–131.
3. *Костин А. А.* Правовое регулирование порядка извещения стороны судебного разбирательства за границей (анализ российского и иностранного опыта) // Вестник гражданского процесса. — 2023. — Т. 13. — № 1. — С. 148–192.
4. *Костин А. А.* Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в России. — М. : Статут, 2020.
5. *Ярков В. В.* Надлежащее извещение как одно из условий признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения // Актуальные проблемы международного частного права и международного гражданского процесса: Liber Amicorum в честь заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук Н. И. Марышевой. — М. : Проспект, 2020. — С. 418–427.

Материал поступил в редакцию 3 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Eliseev N. G. Izvshchenie otvetchika, nakhodyashchegosya za granitsey // Zakon. — 2016. — № 6. — S. 121–137.
2. Kostin A. A. Nadlezhashchee i svoevremennoe izvshchenie otvetchika kak uslovie priznaniya i ispolneniya resheniya inostrannogo suda (analiz ch. 1 st. 244 APK RF i ch. 1 st. 412 GPK RF) // Zakon. — 2017. — № 4. — S. 120–131.
3. Kostin A. A. Pravovoe regulirovanie poryadka izvshcheniya storony sudebnogo razbiratelstva za granitsey (analiz rossiyskogo i inostrannogo opyta) // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2023. — T. 13. — № 1. — S. 148–192.
4. Kostin A. A. Pravovye osnovaniya priznaniya i ispolneniya inostrannykh sudebnykh resheniy v Rossii. — M.: Statut, 2020.
5. Yarkov V. V. Nadlezhashchee izvshchenie kak odno iz usloviy priznaniya i privedeniya v ispolnenie inostrannogo sudebnogo resheniya // Aktualnye problemy mezhdunarodnogo chastnogo prava i mezhdunarodnogo grazhdanskogo protsessa: Liber Amicorum v chest zasluzhennogo deyatela nauki Rossiyskoy Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk N. I. Maryshevoy. — M.: Prospekt, 2020. — S. 418–427.